

0060

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Кара Колтер

КОМНАТА ДЕВСТВЕННОИЦЫ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Кара Колтер
Комната девственницы
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 60

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=589655

*Комната девственницы: роман: Центрполиграф; Москва; 2011
ISBN 978-5-227-02546-3*

Аннотация

Они встретились перед самым Рождеством – два незнакомых человека, переживающих не самые лучшие времена. Но если в Райдере уже не осталось никакой надежды на счастье, то Эмма продолжала верить в чудо, которое непременно должно случиться в эту волшебную пору...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Кара Колтер

Комната девственницы

Глава 1

Двадцать два галлона горячего шоколада. Десять галлонов глинтвейна. Четыреста шестьдесят два – с ума сойти! – рождественских пирога.

И ноль гостей...

Метель, завывающая за окнами пансиона «Белый пруд», только сегодня утром получившего от Эммы Уайт новое, рождественское, название, была, по словам радиоведущего, сопоставима с большим ледовым штормом тысяча девятьсот девяносто восьмого года, принесшего хаос в эту часть атлантической Канады, не говоря уже про Квебек, Онтарио, Нью-Йорк и Новую Англию. Прогноз погоды означал, что Рождество почти наверняка будет испорчено.

– Как всегда, – пробурчала себе под нос Эмма, и ее голос эхом отозвался от стен пустого здания.

Несмотря на весело потрескивающий в камине огонь, празднично украшенную гостиную, ярко-красный колпак Санты и чудесный красный шерстяной свитер с вышитой впереди белой снежинкой, праздник был все равно испорчен.

Эмма словно приглашала маленькую девочку, какой она когда-то была, составить ей компанию. У той девочки были длинные выющиеся темные волосы. Ее взгляд был устремлен на открытую коробку, в которой лежала кукла с неровно подстриженными волосами и пятном от синих чернил на лице. Эта кукла не могла быть Кларой – той, которую Эмма жаждала получить на Рождество, о чем она и шепнула Санте. Скорее всего, эта кукла прежде принадлежала какой-нибудь девочке, в доме которой убиралась ее мать...

«Не вспоминай», – посоветовала себе Эмма, но по какой-то непонятной причине призрак маленькой девочки продолжал напоминать ей о том, как она притворялась счастливой ради матери.

Линелль, ее мать, наконец-то согласилась приехать к ней на Рождество! Эмме так хотелось показать ей дом, в котором она сделала небольшой ремонт и в котором Линелль жила до шестнадцати лет. С тех пор мама сюда не приезжала, не приехала даже тогда, когда умерла ее собственная мать, бабушка Эммы.

Эмма старалась не думать о том, что по телефону в голосе ее матери скорее слышались нотки человека, которого лишили права выбора, а не радость от встречи Рождества в доме ее детства. И она дала свое согласие остаться только на сочельник, но никак не на новогодние празднества.

Отсутствие должного энтузиазма со стороны матери Эмма приписала тому, что у ее матери были свои дела. Обыч-

но это означало, что в ее жизни появился новый мужчина. Возможно, это было не по-христиански и даже не по-рожденственски, но Эмма послала матери только один автобусный билет.

В ее мысли вторгся голос радиоведущего, и новости только ввергли Эмму в еще большее уныние: «Поступило сообщение, что движение от Харви вплоть до границы Соединенных Штатов остановлено».

Эмма встала и выключила радио.

«Ну что ж, – философски сказала она самой себе, – видимо, ждать сегодня гостей – дело зряшное». Может, это и к лучшему, так как ее пожилой сосед Тим Феншоу уже позвонил и сказал, что в такую метель он не сможет приехать на санях, а это значит, что катания на санях также отменяются. Затем связь оборвалась, так что они даже не успели попрощаться.

А до того как за пеленой снега почти перестал быть виден свет от фонаря, Эмма выглянула в заднее окно, выходящее на пруд, и то лишь затем, чтобы убедиться, что лед скрывается под слоем снега быстрее, чем она могла бы его убрать, а значит, коньки тоже отменялись.

«Новогодние празднества, оказывается, вовсе и не празднества», – вздохнула про себя Эмма.

А ведь именно сегодня ночью должен был открыться запланированный ею грандиозный праздник на десять дней, который продлился бы до сочельника. И уже можно сказать,

что отсутствие гостей означает прямые убытки, а значит, и брешь в ее бюджете. Если так пойдет и дальше, то Рождество Эмма вообще может встретить банкротом.

– Не будет ли с моей стороны наглостью попросить о маленьком чуде? – громко спросила она, сердито поднимая глаза к потолку.

Рождество, этот день мечты, по замыслу Эммы, должен был стать особенным днем для всех тех, у кого никогда не было сказочного праздника. В число этих людей входила бы и она сама, хотя разочарования ее детства были связаны не только с Рождеством. Просто так уж получилось, что именно в этот праздник Эмма ожидала чуда, которое так ни разу и не произошло...

В прошлом году, когда ее бывший жених, доктор Питер Хендерсон, пригласил Эмму провести Рождество в кругу его семьи, она думала, что наконец-то мечта ее сбудется! Как же она жестоко ошиблась! Все вышло совсем наоборот: прошлое Рождество подвело итог всем ее неудавшимся праздникам.

Но все-таки один урок Эмма извлекла. Больше она не будет связывать свои ожидания с другими людьми, даже со своей матерью, и уж тем более с мужчиной! В этом году она сама устроит себе сказочное Рождество. И навсегда забудет разочарования, которые оно приносило ей до сих пор.

«Конечно, на весь мир меня не хватит, – призналась себе Эмма, – но зато хватит на дюжину самых нуждающихся»

ся семей, которым, по соглашению с местными церквями и приютом для бездомных, были разосланы приглашения провести Рождество в моем пансионе». В рождественский день двери пансиона распахнутся для пятидесяти одного гостя, которых доставит чартерный автобус.

Эмма знала всех, кто к ней приедет. Самой пожилой ее госте было семьдесят шесть лет. Она была бабушкой и единственной опекуницей своих трех внуков, самому младшему из которых только исполнилось девять месяцев, а двум другим – меньше пяти лет. Наиболее многочисленная приглашенная семья состояла из восьми человек. Отец пострадал во время аварии, не мог работать, и они теперь страшно нуждались. А самая маленькая семья состояла из матери-одиночки и ее болезненного сына.

И для всех были приготовлены подарки! Но главное, Эмма надеялась подарить всем этим людям ощущение чего-то волшебного, сказочного. Конечно, устроить такой грандиозный праздник одной девушке было бы не по силам. Эмма считала, что ей повезло иметь таких соседей, как Тим Феншоу, а также Мона, его невестка, и две внучки Тима – Сью и Пегги, которые жили в его доме, пока их отец, Тим-младший, служил по контракту в армии.

– Как же мне теперь за все расплатиться? – прошептала Эмма.

Чем она сможет отплатить Феншоу за потраченное на нее время? И что делать с кучей чудесных подарков, которые

Эмма, находясь в эйфории от предстоящих праздников, по глупости накупила в кредит? Ведь она даже не допускала мысли, что празднества могут не состояться! После того как она в середине ноября разместила объявление, не проходило и дня, чтобы ей не поступало меньше дюжины звонков.

Общественная организация при церкви Святого Мартина просила ее принять тридцать два ребенка. Эмма все еще помнила свою радость, когда, получив деньги, заказывала для них места в автобусе...

Эмма вздохнула, когда между бровями появилось знакомое стягивающее ощущение начинающейся головной боли.

Прошлой весной от своей бабушки она унаследовала «Белый пруд» – заброшенный дом с восемнадцатью акрами неухоженной земли. Эмма довольно быстро поняла, что содержать большое здание ей не по карману. Но она была твердо намерена его сохранить, так как дом являлся частью семейного прошлого. Поэтому, используя свои незначительные сбережения, которые она сумела накопить, работая в регистратуре в поликлинике, под угрозой лишиться места Эмма взяла отпуск за свой счет, чтобы вернуться домой и ухаживать за бабушкой, которую она фактически не знала. Когда же бабушка умерла, экономя на каждом центе, Эмма решительно принялась за приведение дома в порядок, решив превратить его в пансион, который и открыла прошлым летом. Очень скоро Эмма выяснила, что содержать пансион не так-то просто и в этом деле так же много подводных камней,

как и в любом другом. Именно поэтому она так надеялась компенсировать убытки первого летнего сезона с помощью денег, вырученных от новогодних празднеств.

Эмме вдруг почудилось, что на нее смотрит ее прежний жених и начальник, доктор Питер Хендерсон. Она словно увидела перед собой его неодобрительный взгляд, морщины на лбу, сложенные на узкой груди руки, услышала его голос: «Эмма, ты просто понятия не имеешь, во что ввязываешься».

Увы, каждый новый день подтверждал мрачную правоту его слов. Если бы она только знала, что значит быть владелицей пансиона!

Чтобы отвлечься, Эмма посмотрела на наряженную пихту, величественную красавицу, украшенную белыми лентами, игрушками и гирляндами. С верхушки на нее смотрел ангел, касаясь потолка своими белоснежными крыльями.

– Одно чудо! – взмолилась она. – Пусть состоится сказочное Рождество. Я хочу подарить людям самый лучший подарок на свете – надежду.

Ангел смотрел на нее абсолютно безмятежно.

– Ах вот как! – уязвленная, воскликнула Эмма. – Ты даже не настоящий ангел! Будь у меня стеклянные глаза и бумажные крылья, я бы тоже выглядела безмятежной!

Она оглядела комнату. Ее сердце смягчилось при виде превращения, которому подверглась гостиная пансиона «Белый пруд», – она выглядела почти как картинка из рожде-

стенской сказки.

В большом камине гудело и потрескивало пламя. С дубовой ветки свисали разноцветные шерстяные носки, с карнизов – гирлянды из остролиста. В углах стояли горшки пуансеттии с яркими красными звездами листьев. Коробки, обернутые в белую бумагу и перехваченные лентами, с новенькими куклами и пожарными машинами внутри, были сложены в кучи под пихтой.

Повседневные наволочки на диванных подушках были заменены красно-белыми, на натертом до блеска темном полу лежали белые коврики, в стеклянных вазах стояли рождественские леденцы на деревянных палочках. Дом был пропитан чудесным запахом выпечки, исходившим из кухни. К нежному сладковатому запаху корицы и мускатного ореха, тыквы и яблок примешивался слабый запах дымка.

Эмма вздохнула. Несмотря на возникшие у нее проблемы, она не могла не порадоваться тому, что ей удалось сделать. Все здесь напоминало о приближающемся празднике Рождества.

– Празднества состоятся в любом случае, – упрямо вслух произнесла Эмма. – Не может же мне так капитально не везти, чтобы эта метель продолжалась шесть дней!

Словно в ответ в окна ударил порыв ветра, кинувшего в стекла горсти снега. А затем, заглушая завывание ветра, раздался звонок у двери и тут же резко оборвался.

Эмма бросила быстрый взгляд на старые дедовские часы. Восемь часов! Именно в это время она и ждала своих гостей. Они приехали, невзирая на погоду! Чудо все-таки произошло! Но почему она не слышала звука работающего мотора и голосов?

Может, это всего лишь Тим Феншоу, приехавший убедиться, что с ней все в порядке?

Феншоу приняли Эмму в местный круг так, словно она была одной из них. Тим хотел приобрести «Белый пруд» для своего сына, но, когда Эмма сказала ему, что сама решила здесь поселиться, ни он, ни Мона, казалось, ничуть из-за этого не расстроились, словно всю жизнь только и ждали, когда она станет их соседкой.

Что, если она не сможет заплатить им за те часы, что они потратили, помогая ее мечте осуществиться? Без их помощи ее пансион не продержался бы и дня.

Эмма подошла к двери. Несмотря на терзавшее ее беспокойство, сердце ее взволнованно билось. Вдруг, несмотря ни на что, за дверью ее ждут гости?

Открыв дверь, Эмма поняла, что это не гости из маленького городка Ивовый Ручей, не Тим.

На пороге стоял незнакомый мужчина, почти загораживая своей фигурой свет от рождественских лампочек, развешанных на веранде. Он был высок и невероятно широк в плечах. От его черного, до колен, шерстяного пальто, черных перчаток, темных блестящих волос со сверкающими в них

снежинками исходило что-то опасное. «Или, – подумала Эмма, – его одежда совсем ни при чем?» Лицо незнакомца находилось в тени, но Эмма все равно разглядела прямой нос, высокие скулы, выступающий вперед подбородок и темные глаза, которые словно пронзили ее насквозь.

Незнакомец был неправдоподобно красив, и это впечатление не портил даже сурово сжатый рот с нижней чувственной губой. Под взглядом этих всевидящих глаз Эмма вздрогнула. Незнакомец скептически оглядел ее, начиная с красных носков и заканчивая нелепым колпаком. Закончив осмотр, он еще сильнее поджал губы.

Эмме почему-то подумалось, что сам дьявол решил нанести ей рождественский визит, так как в его присутствии она вдруг из уверенной, деловой женщины превратилась в просто женщину, которая рядом с таким мужчиной не может не думать о том, как она выглядит. Ей тут же захотелось снять свой бесформенный свитер, а вместе с ним еще несколько кофты, которые она напялила, думая, что сегодня состоится катания на санях.

И еще Эмма пожалела о том, что толком не уложила свои непослушные волосы – длинные, черные, блестящие. Кстати, именно они так нравились Питеру... А список того, что он в ней одобрял, исчислялся всего несколькими пунктами.

Как только глаза Эммы привыкли к тусклому свету и она смогла отчетливее разглядеть черты лица мужчины, ее заинтриговало его выражение. Такое лицо могло быть только у

человека, который, казалось, забыл, когда он смеялся в последний раз. Вообще в облике этого мужчины Эмме почудилась какая-то тайна, которую хочется разгадать...

Глаза незнакомца переместились с нее на венок, висевший на двери, и задержались на небольших красных буквах, выглядывавших из-под мохнатой ветки кедра: «Верю!»

Выражение его лица словно затвердело, а взгляд охватил остальную часть веранды – веточки остролиста, красные лоскутные половики, ящики для растений с воткнутыми в них веточками ели.

Если она не ошиблась, то именно презрение превратило его глаза в черные колодцы, когда он снова взглянул на нее.

«Я могу закрыть дверь, – тут же пронеслось у Эммы в голове. – Что бы этот мужчина ни искал, у меня он это вряд ли найдет».

Эмма строго напомнила себе правило номер один: независимость! По поведению своей матери она знала, как легко потерять чувство независимости из-за мужчины, а вместе с ним – ощущение того, что ты являешься хозяйкой своей жизни.

Порыв ветра бросил Эмме в лицо колючий снег. И это заставило ее вспомнить, что у любого правила бывают исключения. И потом, как можно захлопнуть дверь перед носом человека, если в такую погоду на улицу не выгонят даже собаку! В эту секунду Эмма услышала негромкое хныканье, и этот звук позволил ей отвести взгляд от гипнотизирующих

черных глаз.

Сообразив, кто издал этот звук, Эмма даже лишилась дара речи. Она присмотрелась внимательнее. Так и есть! Под прикрытием широких мужских плеч она увидела черное, как и пальто мужчины, одеяло, а под ним – ребенка! Вот он зашевелился и взглянул на нее огромными голубыми глазами – точь-в-точь увеличенная копия куклы, которая лежала под пихтой. Глаза ребенка – живые, широко раскрытые, ясные – составляли разительный контраст с глазами повидавшего мир и раньше времени состарившегося мужчины.

– Нам нужно место, где мы могли бы переночевать.

Эмма открыла рот, но обнаружила, что не может произнести ни звука. Переночевать в ее пансионе? Именно этого хочет красавец мужчина, скрывающий какую-то тайну?

– Дорожный патруль велел мне съехать с дороги, так как движение на шоссе остановлено и в ту и в другую сторону.

Эмма продолжала смотреть на него молча, по-прежнему не в силах выдать из себя ни звука.

– Надеюсь, что через несколько часов мы сможем продолжить путь.

Будь этот мужчина один, Эмма, скорее всего, сказала бы «нет». Если, конечно, ей удалось бы вернуть контроль над собственными голосовыми связками.

Но не сможет же она отправить человека обратно в метель! Значит, остается сказать только «да», тем более что на руках у него ребенок. Придется рискнуть, хотя все ее жен-

ские инстинкты возражают – слишком уж опасным мог стать для нее этот мужчина, раз он вызывал невольное желание понравиться ему.

Эмма заставила себя сосредоточиться. Ах да, ведь он сказал «на несколько часов». Ну, несколько часов она как-нибудь переживет.

Но колпак Санты Эмма все же сдернула. Взгляд мужчины задержался на ее голове. Губы его сложились в подобие улыбки, но это длилось всего мгновение.

– Дорожный патруль сказал, что здесь пансион.

Тон, каким это было сказано, свидетельствовал:

если бы не необходимость, он и близко бы не подошел к ее дому! Этот тон словно высмеивал все затраченные ею усилия. Эмма поджала губы: «Пусть думает что хочет!» Но вот что ее встревожило, так это собственная реакция на замечание мужчины. Почему мнение совершенно незнакомого человека ее так сильно задело? Ей вдруг даже захотелось сказать, что она не сдает комнаты на зиму.

Но ни у него, ни у нее не было выбора. Не может она отправить ребенка в метель! К тому же тот факт, что мужчина был не один, предполагало, что он никакой не преступник, а действительно просто путник, застигнутый в пути непогодой, и он не представляет для нее никакой угрозы. Он мог представлять угрозу только ее чувствам, но, бросив еще один взгляд на его замкнутое лицо, Эмма поняла, что мужчина не расположен даже к невинному флирту.

– Проходите, – вежливо сказала она, отступая в сторону. – Правда, на зиму я закрываю пансион, но раз уж вы приехали...

Он прошел мимо нее, и Эмма почувствовала запах, исходящий от этих двоих, на секунду перебивший даже ароматы из кухни, – горьковатый мужской запах, к которому примешивался запах мыла и лосьона после бритья, а также запах детской присыпки.

Эмма закрыла дверь, но дверная ручка осталась у нее в руке. Она быстренько вставила ее обратно, надеясь, что незнакомец ничего не заметил, но, обернувшись, поняла, что от его глаз ничего не ускользнуло. Проклятая ручка не захотела возвращаться на свое место и упала на пол, Эмма быстро наклонилась и подхватила ее.

– Я не взимаю дополнительный платы за очарование глубинки, – как можно беспечнее произнесла Эмма, закрывая собой отверстие от ручки, из которого теперь дуло холодом.

Мужчина даже не улыбнулся. Он огляделся, отмечая стоящую у входа маленькую елочку, всю украшенную маленькими белыми ангелами, перевязанные белыми лентами гирлянды из веточек, обвивающие перила лестницы...

Он стоял как раз под веточкой омелы, и это невольно обратило взгляд Эммы на его губы¹. От возникшей в ее голове мысли ей стало не по себе. Почему она думает о том, какой

¹ Согласно обычаю, молодые люди, невольно вставшие под веточкой омелы, должны поцеловаться. (*Примеч. ред.*)

вкус у этих губ и на что она готова пойти, чтобы это узнать? Неужели ошибка с Питером ее так ничему и не научила? «Если я думаю о губах незнакомца, то, скорее всего, нет, ничему не научила», – с сожалением заключила Эмма.

Ее гость, свалившийся как снег на голову, нахмурился:

– Если вы закрываете пансион на зиму, значит, вы украсили дом исключительно для себя?

– Я ждала гостей.

Эмма заставила себя сцепить зубы, чтобы в поисках сочувствия не начать жаловаться ему, какой сокрушительный крах потерпели все ее надежды на первый вечер, которым должны были начаться новогодние празднества. Впрочем, его взгляд не выдавал в нем человека, способного к сопереживанию.

Следующий его вопрос заставил Эмму порадоваться, что свои излияния она оставила при себе:

– У вас есть комната без... рождественской тематики?

– Ясно, вы не любите Рождество, – ровно сказала Эмма. Хотя говорить об этом было излишне – все было понятно по выражению его лица. И можно было не сомневаться, что он не любит щенков, песен о любви и мелодрам.

Это хорошо. Это очень хорошо, так как поможет ей держаться с ним исключительно в деловых рамках. Пусть ее неожиданный гость обладает потрясающей внешностью, но человек не может быть хорошим, если он не любит Рождество. Как можно не любить этот праздник, когда у тебя на

руках ребенок?!

Девочка на его руках что-то пролепетала и засунула пальчик в рот, но выражение лица мужчины не смягчилось.

– Мама, – произнесла девочка и положила головку на плечо мужчины с доверчивостью, которая выдавала то, о чем Эмма уже знала сама: ее гость может не любить Рождество, но вот малышка на его руках вверяет ему свою жизнь.

Вовремя малышка это сделала! Это напомнило Эмме о том, что у девочки есть мать. Не нужно об этом забывать. Тогда ей удастся держать под контролем чувства, которые вызывал в ней отец девочки.

– Ваша девочка спрашивает про мать, – сказала Эмма, так как ее гость никак не отреагировал на слова малышки.

– Нет, – коротко ответил мужчина, и Эмма, к своему изумлению, увидела, как на какой-то миг он смутился. Поколебавшись, мужчина продолжил: – К сожалению, так она зовет меня.

Да, мамой его мог назвать только ребенок. Конечно, это не ее дело, но Эмма не могла не спросить:

– Но ведь у девочки есть мать? Где она?

В глазах мужчины что-то промелькнуло, и Эмме даже показалось, что в комнате будто стало холоднее. Словно перед ней открылась глубокая пропасть.

– Она умерла, – спокойно сказал нежданный гость, снова глядя на нее непроницаемыми глазами, но Эмма прочитала в них предупреждение не пытаться развивать эту тему дальше.

Эмма растерялась.

– Мне очень жаль, – неловко пробормотала она, жалея, что уступила своему любопытству. – Давайте я ее подержу, пока вы снимете пальто, – предложила она.

Эмма протянула руки и только тогда вспомнила про зажатую в руке дверную ручку. Мужчина взял ручку, едва коснувшись ее ладони своей затянутой в перчатку рукой, но даже этого было достаточно, чтобы Эмма почувствовала исходящее от него тепло.

Без видимых усилий он вставил ручку обратно в дверь и повернулся к Эмме.

То, с какой легкостью он это проделал, заставило ее почувствовать свою некомпетентность в деле, за которое она взялась. Эта сломанная дверная ручка словно сигнализировала о ее неудачном бизнесе.

– Вешалка сзади, – подсказала она, отмахиваясь от этих мыслей, и добавила, как хороший дворецкий: – Ваш багаж?

– Надеюсь, мы здесь ненадолго.

«Я тоже надеюсь», – подумала Эмма, беря на руки девочку, которая оказалась на удивление тяжелой, но ощущать ее вес было приятно.

В окна ударил сильнейший порыв ветра, так что задрожали стекла. Эмма вздохнула. Да, если метель утихнет через несколько часов, это будет большой удачей, но вполне вероятно, что ее гостям придется остаться здесь на всю ночь. Кстати, девочке есть где спать – Эмма позаботилась о дет-

ской кровати, если кто-нибудь из ребятишек, которые придут на Рождество, захочет подремать.

– Сколько ей? – спросила Эмма.

– Год и два месяца.

– А как ее зовут? – продолжила свои расспросы Эмма.

Краем глаза она заметила, что под пальто у мужчины оказалась темная рубашка и черные брюки – судя по тому, как они на нем сидели, это были весьма дорогие вещи, подчеркивающие широкие плечи, поджарую фигуру и длинные, мускулистые ноги. Эмма вздохнула и молча посоветовала себе сосредоточиться на девочке.

– Тесс.

– Здравствуй, Тесс. Добро пожаловать в пансион «Белое Рождество». Меня зовут Эмма.

– «Белое Рождество»? – переспросил мужчина. – Вы шутите?

– Разве вы не видели знак перед подъездной дорожкой? – Только сегодня утром Эмма заменила слово «пруд» на «Рождество».

– Я видел знак, но из-за снега на нем почти ничего нельзя было разобрать.

– Пансион «Белое Рождество», – подтвердила Эмма.

Мужчина негромко простонал. Эмма покосилась в его сторону:

– Что-то не так?

Он ответил риторическим вопросом:

– У вас когда-нибудь возникало чувство, что боги, бывает, потешаются, вмешиваясь в наши планы?

Судя по его интонации, ответа он не ждал, но Эмма печально ответила:

– Да. И не редко.

Пансион «Белое Рождество».

Райдер Ричардсон несколько не сомневался в том, что сейчас боги хохочут над ним во все горло, так как единственной причиной, из-за которой метель застала его в дороге, было его желание избежать Рождества. Он собрал вещи своей племянницы – всю эту гору детских вещиц – лишь затем, чтобы до темноты успеть добраться до своего коттеджа у озера, в котором не было ничего, что напоминало бы о Рождестве, о людях. А главное – там не было телефона, а свой мобильный он намеренно оставил дома.

Райдер мечтал спрятаться там, пока суматоха, связанная с Рождеством, не прекратится – пока с улиц не исчезнут ели и пихты, пока не снимут гирлянды и фонари, а незнакомые люди не перестанут улыбаться ему и желать веселого Рождества. Райдер ждал окончания этого праздника с такой надеждой, с какой лоцман корабля пристально вглядывается в огни маяка, чтобы не налететь на скалы безлунной ночью.

В январе также должно было уменьшиться число звонков, и визитов, и слов сочувствия, а приглашений на вечеринки, ужины и другие мероприятия, наоборот, должно стать боль-

ше. Это заполнит его мысли другим и поможет отвлечься от болезненных воспоминаний.

И все-таки несколько исключений, в виде подарков для Тесс, Райдер сделал. Он купил ей мягкого пони неправдоподобного лавандового цвета, новые замшевые розовые туфельки и маленькую, похожую на пианино игрушку, о которой, вероятно, пожалеет через несколько часов после ее вручения.

Однако подарки эти Тесс получит не двадцать пятого декабря – он воспользуется тем, что его племянница не осознает, что значит для других людей Рождество. Этот год будет его передышкой. В следующем году, когда Тесс исполнится два годика, обмануть ее уже будет сложнее. А еще через год ему, вполне возможно, вообще не удастся отвертеться от Рождества со всеми его атрибутами.

Отвернувшись от вешалки, Райдер увидел весело пылающий в камине гостиной огонь, огромную светящуюся пихту, кажущуюся почти воздушной из-за обилия украшений и мишуры белого цвета.

Как Райдер не настраивал себя против Рождества, то, что он увидел, невольно всколыхнуло его душу, заставило ощутить себя путником, вернувшимся к родному очагу после длительного путешествия. И на какой-то миг Райдера против воли потянуло к дереву, которое обещало надежду.

Глава 2

Надежда.

Слово обожгло его сердце болью. Потому что Райдер путник, у которого больше не было дома, куда бы он мог вернуться.

Свисавшие с каминной полки носки послужили толчком для воспоминаний. Они напомнили о себе без предупреждения. Обычно так это и происходит, когда любой предмет, любой запах, любой звук вдруг может возбудить ворох образов из прошлого. Вот и сейчас в сознании вспыхнула картина с другой полкой и другими носками, свисавшими с нее больше года назад. На тех носках ярко-красного цвета с белыми меховыми отворотами были вышиты имена: *Дрю. Трейси. Тесс.*

Мысленным взором Райдер снова видел своего брата, стоящего рядом с этими носками. На руках у него маленькая Тесс. Он то притворяется качелями, качая ее вверх-вниз и целуя в круглый животик, то принимается изображать ветер, щекоча своим дыханием и вызывая ответный залиvistый и веселый смех. В тот момент Дрю казался счастливейшим человеком – Райдер никогда не видел его таким...

Дрожь прошла по его телу, и Райдер намеренно отвел взгляд от носков, поднял с пола сумку, в которой были детские вещи, и перекинул ее через плечо.

Через несколько дней исполнится год со дня той катастро-

фы, но его боль все никак не желала утихать. И у него не было почти никакой надежды, что она исчезнет еще через год. Не было и надежды, что жизнь станет прежней – такой, какой она была до того рождественского дня, когда в доме его брата случился пожар...

* * *

– Возьми Тесс! – крикнул ему Дрю, когда Райдер выбежал из гостевой комнаты, кашляя от дыма. – Я выведу Трейси.

Тот, кто никогда не находился в горящем доме, не знает, какой пугающей может быть темнота, как ужасны жар, дым и грохот рушащихся конструкций, хаос, вызванный огнем, который ведет себя как взбесившееся животное, как огромный беспощадный монстр...

Каким-то образом Райдеру удалось найти свою племянницу и выбежать с ней на улицу. Трейси уже была там. У нее были обширные ожоги, она едва соображала, где она, и с трудом могла говорить. Сначала Райдер решил, что Дрю тоже на улице, и только потом сообразил, что брат мог не знать, что Трейси вышла, продолжая искать ее в доме.

Райдер побежал обратно в дом, даже не думая о том, что свирепствующий внутри огонь был словно разверзнутые ворота ада. Он уже почти вбежал внутрь, но его оттащили соседи... Райдер боролся с шестью мужчинами, поглощенный единственной мыслью, что Дрю где-то внутри, и порывался

бежать к нему, но они не позволили ему... Иногда он все еще просыпался ночью, весь в поту, с сильно бьющимся сердцем и скрежетал зубами от яростной боли, вспоминая, как кричал: «Я должен пойти! Должен! Пустите! Вы не понимаете!»

Стоило об этом вспомнить, как на него всегда накатывала волна отчаянного гнева. Если бы только ему удалось заставить тех мужчин понять, если бы только ему удалось вырваться. Если бы только...

А затем последовал еще один удар, еще одна потеря. Три месяца назад Трейси, окончательно потеряв надежду, прекратила бороться за жизнь...

Если Райдер что-то и ненавидел сильнее Рождества, то это было чувство беспомощности. Он был беспомощный и не смог вытащить из горящего дома брата. Он был беспомощный и не спас Трейси.

После пожара Райдер словно выстроил вокруг себя стену, укрепляя ее с каждым проходящим днем. Когда не стало Трейси, стена была окончательно возведена, и теперь за ней Райдер прятал свое горе, скрывал свою боль. Конечно, он продолжал жить, что-то делал, но оставался глух ко всему...

До этого момента. Сейчас, оказавшись в этой гостинице, Райдер почувствовал, что стена, которая защищала его от мира, может дать трещину. Достаточно было вспомнить слово, которое было написано на входной двери: «Верю!»

– С вами все в порядке? – спросила Эмма, отвлекаясь от Тесс.

– Да, – резче, чем нужно, ответил он.

Конечно нет! Он сделал все, чтобы убежать от Рождества, но оно само настигло его. Если бы не Тесс, Райдер пренебрег бы непогодой и бежал отсюда – лучше провести несколько часов в самой гуще метели, чем здесь.

– Но выглядите вы так, словно увидели привидение, – заметила Эмма. – Хотя мне кажется, что они здесь водятся, пусть еще ни разу и не встретились.

– Я не верю, что привидения существуют, – с нажимом на слове «верю» сказал он.

– А я верю! – с ноткой упрямства заявила она. – Уверена, что в этом доме обитают духи, и защищают его, и оберегают находящихся в нем людей. И думаю, что среди этих духов есть дух Рождества. – Сказав это, она вдруг покраснела.

Райдер присмотрелся к ней внимательнее. На вид Эмме было не больше двадцати. Слишком молодая, чтобы управлять пансионом, и слишком взрослая, чтобы верить в разную чепуху.

Она провела рукой по черным, непослушным, кудрявым волосам и покраснела еще больше. И уже во второй раз эти волосы заставили Райдера чуть ли не улыбнуться, а в последнее время заставить его улыбаться умела только Тесс.

Райдер вдруг испытал неодолимое желание прикоснуться к волосам хозяйки пансиона, провести по этим своевольным пружинкам. Собственное желание обескураживало, но он сумел подавить его в зародыше. Впрочем, недостаточно

быстро, успев представить себе, как будет выглядеть Эмма со своими кудряшками, если их расчесать... Он сглотнул, так как ее образ в красных носках и красном свитере, в которых она казалась очень милой, вдруг превратился в сексуальный...

По тому, как женщина держала Тесс, как говорила с ней, не было сомнений в ее характере: мягкая, цельная, немножко эксцентричная, с верой в хорошее, а также в окружающих ее добрых духов. Иначе говоря, совсем не его тип. Даже до того, как произошло непоправимое, ему нравились стильные и дерзкие женщины, которые бы лишь презрительно фыркнули, познакомившись с наивной хозяйкой этого пансиона.

В прошлом году, видя, как счастлив брат в браке, Райдер как-то подумал, не особенно задерживаясь на этой мысли, что в простом семейном уюте есть свое неуловимое очарование...

Тогда же Райдер подумал, что сам может попытаться создать собственный домашний очаг, однако близость с другим человеком означала бы, что он мог стать зависимым от него. Он не мог себе этого позволить – слишком хорошо помнил ощущение собственной беспомощности и охватившего его горя, случись с этим человеком какая-нибудь беда, а он не сумеет ее предотвратить. Как ради Тесс, так и ради себя он держал свои эмоции в кулаке. И ему нечего было предложить другому человеку...

– Вы ведь управляете пансионом не одна? – спросил Рай-

дер, так как неожиданно понял, что ему совсем не нравится мысль остаться наедине с этой девушкой, которая вдруг задела какую-то струнку в его душе.

«Может, – подумал он, – она живет здесь с родителями? А еще лучше, чтобы у этой малышки был муж, так как это сразу же погасит неожиданно начавшее разгораться к ней влечение». Да, он бы не возражал против мужского общества, с кем мог бы поговорить, например, о хоккее. Тогда, по крайней мере, он бы не думал, как посмеялась над ним судьба, приведя его именно в это место.

Взгляд Райдера переместился на руки Эммы. Красный маникюр стал для него сюрпризом, так как на ее лице косметики не было. Райдер изумлялся сам себе. Как же так? Почему эта девушка так влечет его к себе, когда все в ней ассоциируется с болезненными воспоминаниями?

Единственное, чему он удивлен не был, так это ее ответу. – Я полновластная хозяйка этого пансиона, – гордо объявила она. – Дом достался мне в наследство от бабушки. Я сделала здесь ремонт, дала ему имя – «Белый пруд», так что все здесь – мое.

– «Белый пруд»? – переспросил Райдер, слегка нахмурившись. – Разве не «Белое Рождество»?

– «Пруд» временно превратился в «Рождество», – пояснила Эмма. – Это волшебный праздник, поэтому его магия коснулась и моего скромного пансиона.

– Понятно, – только и сказал Райдер, не желая вдаваться

в подробности. И вообще, с него довольно того, что он уже о ней узнал. Но почему же его трогает то, с каким достоинством девушка старается держаться, несмотря на свои несерьезные кудряшки и выпадающую из двери ручку?

– Что заставило молодую женщину взвалить на свои плечи бремя по содержанию пансиона? – неожиданно для самого себя спросил он.

Сам Райдер работал архитектором. Вместе с Дрю у них было немало проектов по восстановлению и реконструкции подобных зданий. Несмотря на красивый фасад и название, пансион этот – он был готов в этом поклясться! – скрывает то, что намекала отваливающаяся дверная ручка: проблемы. Большие и маленькие. И их так много, что одинокая девушка вряд ли с ними справится.

– Я мечтательница! – воинственно заявила Эмма, и Райдер снова услышал чуть ли не гордость в ее голосе. А также упрямство и... уязвимость. Словно кто-то, с таким же каменным сердцем, как и у него, высмеял ее за то, что она осмеливается быть фантазеркой.

Именно это заставило Райдера промолчать о том, что без мечтателя этот дом, скорее всего, обойдется, а вот плотник, электрик, а возможно, и водопроводчик здесь точно не помешают!

– В первый раз я увидела этот дом, когда приехала ухаживать за заболевшей бабушкой. Бабушка и мама не ладили между собой, но один из соседей позвонил мне и сказал, что

старая женщина нуждается в помощи. И я... я влюбилась в этот дом! К тому же он принадлежал нашей семье в течение нескольких поколений, представляете? Когда бабушка умерла, дом перешел ко мне. Тогда же пришлось задуматься над тем, как его содержать...

Перед Райдером замигал красный цвет. Как человек, у которого многие мечты пошли прахом, он не любил мечтателей и их непонятно на чем основанный оптимизм.

Правда, в глазах этой оптимистки он заметил грусть. И пусть она заявляет про свою любовь к Рождеству, должна быть причина, по которой молодая девушка решила жить здесь совсем одна. Райдер был готов поклясться, что это желание не имеет ничего общего с фамильным домом и дело, скорее всего, в несчастной любви. Если он прав, вполне вероятно, хозяйка пришла к выводу, что любить дом гораздо безопаснее, чем живого человека. В этом Райдер был с ней полностью согласен. Но вот сможет ли мечтательница быть достаточно прагматичной, чтобы добиться успеха в начатом деле?

Эту свою способность видеть в людях то, о чем они сами, возможно, даже не подозревали, Райдер начал ненавидеть после пожара. Он часто чувствовал то, о чем люди недоговаривали или намеренно умалчивали. В этом была какая-то жестокая ирония, так как Райдер хотел стать слепым и глухим ко всему, что его окружало.

Именно таким он и был до пожара. До прошлого Рож-

дества Райдер был среднестатистическим мужчиной, почти безразличным к чувствам других и занятым исключительно собой. Вместе с братом они занимались развитием общего строительного бизнеса. Конечно, в свободное время Райдер встречался с друзьями, играл в любительской хоккейной команде, но в общении с женщинами никогда не переступал черту полусерьезных отношений, ведя незамысловатую жизнь не обремененного никакими семейными хлопотами холостяка. До пожара самым лучшим определением для него явилось бы слово «нечувствительный». Каким же простым и легким ему тогда все казалось!

Все изменилось после той катастрофы. Теперь ему достаточно было побыть в обществе незнакомого человека несколько минут, и он уже видел пережитые им трагедии в черточках лица, в тенях под глазами, в морщинках вокруг губ... Он словно вступил в клуб, членов которого объединяло одно – пережитое горе. Как же мало он ценил раньше свою благословенную слепоту и равнодушие!

Если бы он встретился с Эммой хотя бы немногим больше года назад, вряд ли бы заметил в ее глазах глубоко затаенную боль. И уж точно бы не обратил внимания, какие красивые у нее глаза...

Это сейчас Эмма показалась ему очень привлекательной. У нее были нежные, тонкие черты лица, чуть вздернутый носик и полные, чувственно изогнутые губы. Однако его особенное внимание привлекали ее глаза. Райдер даже сомне-

вался, что ему когда-нибудь доводилось видеть глаза такого серовато-зеленого цвета. Словно клубящийся над изумрудным мхом сероватый туман...

А ведь раньше его привлекали лишь стильные и независимые красотки, такие же поверхностные, как и он сам, не ищущие в жизни ничего, кроме удовольствия.

Но может, именно потому, что эта девушка несколько не походила на тех женщин, ей удалось пробиться сквозь заслоны, которыми он отгородился от мира? До этого дня Райдер ни за что бы не поверил, что девушка без косметики на лице, с гривой плохо расчесанных кудрей, в мешковатых джинсах и в бабушкином свитере, и уж тем более мечтательница, сможет его зацепить.

И однако же, его влечение к ней было несомненным. Эта девушка словно всколыхнула в нем то, что он похоронил после пожара, – желание жить.

Райдер сурово одернул себя, напомнив, что то, ради чего стоило жить по-настоящему, уже не вернуть. И если он позволит себе радоваться, не предаст ли он тем самым память Дрю и Трейси? Не будет ли это значить, что он их забыл?

Нет, он не забыл...

Просто те чувства, что он здесь ощутил, возникли у него из-за витающего в этом доме запахов хвойных веток, запеченной тыквы, а также атмосферы, пропитавшей этот дом.

«Может, – подумал Райдер, – мне вообще лучше переночевать в машине?»

Ведь, поднимаясь по ступенькам веранды, он уже предчувствовал, что в этом доме его что-то поджидает! Его предчувствие оправдалось, стоило ему прочесть слово «Верю!» среди веточек висевшего на двери венка. Тогда ему даже пришлось подавить порыв сбежать с веранды, назад к машине, чтобы поискать убежище где-нибудь в другом месте.

«Верю!» Но во что?

Будь он один, Райдер нашел бы какой-нибудь паб, желательно с большим телеэкраном, чтобы переждать несколько часов, пока дорогу не расчистят. Но Тесс лишала его права выбора...

Как только Райдер стал опекуном Тесс, все его личные желания и предпочтения отступили на второй план. Теперь все решалось только исходя из интересов Тесс, а потому паб сразу отпадал. Но правильно ли он воспитывает малышку? Некоторые знакомые считали Райдера совершенно не подходящим на роль опекуна. Кое-кто даже в открытую заявил, что для Тесс было бы лучше найти настоящую семью.

Но его брат и Трейси пожелали, чтобы опекуном их дочери стал именно он! Узнав об этом из их завещания – а Райдер даже не думал, что они об этом позаботились, – он, конечно, был потрясен, но не собирался отказываться от обязанности, легшей на его плечи.

Тесс – это было все, что осталось ему в память о брате. Ради племянницы Райдер ничего не жалел. Он нанял для нее няню, но на Рождество Тесс осталась всецело на его по-

печении, так как миссис Маркл покинула их на время рождественских праздников, чтобы провести это время в кругу семьи. Оставшись один с ребенком на руках, Райдер сначала ощутил себя беспомощным, но быстро совладал со своей растерянностью, а его любовь к племяннице целиком завладела остатками его сердца.

– Показать вам вашу комнату или вы сначала хотели бы перекусить? – спросила Эмма.

Райдер задумался. Тесс недавно выпила бутылочку молочной смеси, но, возможно, она не откажется от чего-нибудь еще. Как, впрочем, и он сам. Поужинав и вздремнув, он будет готов отправиться в путь сразу же, как только метель немного утихнет.

– Я бы не отказался чем-нибудь перекусить, – признал он.

– Да, не позавидуешь тем, кого метель застигла в пути, – сказала хозяйка, по-прежнему держа на руках Тесс и ведя его через узкий коридор, закончившийся узкой дверью. Эмма открыла ее бедром.

– Это точно, – согласился Райдер. – Настоящий белый ад, разве только холодный.

«Почти такой же, как здесь», – мелькнуло у него в голове. И по тому, как вдруг напряглась Эмма, Райдер понял, что каким-то образом она догадалась о его мыслях.

– Но лично я ничего не имею против белого, – коротко сказал он, хотя его слова прозвучали довольно фальшиво.

«Может, мне лучше вообще отказаться от еды здесь, пока я не ляпнул что-нибудь еще? Да, это было бы правильно», — подумал Райдер, но увы, как назло, у него разыгрался прямо-таки волчий аппетит.

Его робкая надежда на то, что хотя бы на кухне ничего не будет напоминать о Рождестве, растаяла как дым, как только он вошел внутрь, отмечая, помимо чисто рождественских декораций, и желто-коричневые стены, и белые ящички, и старый серый линолеум, начищенный до блеска... Заметил он и капающий кран, и заledenевшее с внутренней стороны окно. Да, проблем в хозяйстве было хоть отбавляй!

Большую часть кухни занимал огромный стол, буквально ломившийся от выпечки.

Райдер моргнул:

— Вы не шутили, когда сказали, что ждете гостей? Это же сколько их будет?

— Надеюсь на сотню...

Услышав разочарование в ее голосе, Райдер бросил на нее недоверчивый взгляд.

— Сотню?! — повторил он.

— Ночь открытия новогодних празднеств, — объяснила Эмма. — Позади дома есть пруд, на котором я запланировала катание на коньках, на санях и фейерверки. Лошади есть у моего соседа, — добавила она.

И снова Райдер вспомнил о женщинах, с которыми встречался. Изысканная еда, подарки в виде бриллиантов, вечера,

заканчивающиеся в горячих ваннах... Среди тех красоток не было ни одной, кому могла бы прийти в голову мысль о подобных новогодних празднествах.

Разочарование Эммы было почти осязаемым. Райдер на миг даже испугался, как бы она не заплакала – в обществе плачущей женщины он терялся. Даже Тесс уже знала об этой его слабости и частенько прибегала к ней, пытаясь чего-нибудь добиться от дяди.

– Мне жаль, – неуклюже пробормотал он, не совсем уверенный, то ли действительно сочувствует Эмме, то ли говорит подобные слова, потому что так принято.

– К завтрашнему дню все изменится, – бодро сказала Эмма. – Новогодним празднествам – быть!

Райдер был бы рад, если бы все так и случилось, но он относил себя к реалистам, а потому не мог разделить ее оптимизма.

Разговор о погоде нарушила Тесс. Наверное, ей надоело слушать взрослых, а может, она просто изнывала от желания попробовать все те вкусности, которые дразнили обоняние и зрение.

– *Это, это*, – залепетала она, стараясь вырваться из рук Эммы.

– Хочешь вот это? – догадалась молодая женщина.

Райдер вздохнул про себя от облегчения и молча поблагодарил Тесс, так как несколько слезинок, выступивших на глазах Эммы, тут же исчезли.

– Папочка разрешит попробовать ей что-нибудь вкусненькое или сначала следует нормально поесть?

Райдер замер. Поправлять ее или нет? С одной стороны, лучше этого не делать, так как через несколько часов его здесь уже не будет. С другой... С другой – ему почему-то не хотелось лгать хозяйке пансиона.

И только в эту минуту Райдер вспомнил, что не представился.

– Райдер Ричардсон, – неохотно сказал он. – Я опекун Тесс. Она моя племянница.

– О... – протянула Эмма и умолкла.

В одном этом выдохе Райдеру послышалась куча незадаанных вопросов. Чтобы отвлечь от этого Эмму, он протянул руку.

Почувствовав прикосновение ее пальцев, Райдер понял, что поторопился. Рука у Эммы была маленькой и нежной, но рукопожатие на удивление крепким и уверенным.

Райдер стиснул зубы, борясь с ощущениями, которые вызвал в нем этот физический контакт. И ему тут же стало ясно, что это почувствовал не только он, так как Эмма вдруг замерла. Ее взгляд метнулся к его лицу, и Райдер увидел, как глаза девушки расширились. Она быстро отдернула свою руку.

Взгляд Райдера опустился на ее губы. Почувствовав жгучее желание поцеловать Эмму, узнать, каковы на вкус ее гу-

бы, Райдер понял, что его дела плохи. Нужно было срочно занять свои мысли чем-нибудь другим. Например, Тесс. Он протянул руки, и Эмма молча передала ему малышку.

Райдер посадил Тесс на край дощатого стола, убрал одеяльце, стащил с нее свою куртку. Чтобы снять детскую шапочку на меху, ему пришлось немного повозиться.

Меховая шапочка в теплом салоне автомобиля – это уже чересчур. Райдер и сам это понимал. Но так он, по крайней мере, мог быть спокойным, что никто не заметит, в каком состоянии находятся волосы Тесс. Одного взгляда на детскую головенку было бы достаточно, чтобы задаться законным вопросом: как можно доверить ребенка человеку, который не в состоянии нормально расчесать ей волосы?

– Ненавижу ее, – пробурчал он, воюя с упрямой шапкой. – Никогда не могу снять ее с первого раза.

– Понятно, – сдавленно произнесла Эмма.

Он метнул взгляд в ее сторону. Эмма улыбалась, крепко сжимая губы, но было видно, что она с трудом удерживается от смеха.

Райдер сдвинул брови. Он не любил Рождество, но еще больше не терпел, когда служил посмешищем.

– Смешно? – раздраженно спросил он.

Тут Эмма не выдержала и приснула со смеху.

У Райдера мелькнула мысль, что смеющаяся Эмма похожа на лукавого эльфа, хотя он в своей жизни не видел ни одного.

Эмма буквально задыхалась от смеха. Райдер еще больше

свел брови вместе, а затем вздохнул. Уж лучше пусть она смеется над ним, чем плачет. И тут он обнаружил еще одну вещь. Смех изгнал из глаз девушки грусть, сделав ее глаза еще более выразительными, а улыбка придала полным губам манящий изгиб...

Прошло не больше десяти минут, как Райдер переступил порог пансиона «Белое Рождество», но он уже знал: ему нужно выбираться отсюда, и как можно скорее!

Он снова опустил взгляд на Тесс и только тогда понял, почему так долго возится с детской шапкой.

– Я надел ее задом наперед! – чертыхнулся он. Да, уважаемый архитектор – и допустил такую оплошность!

– Этот дурацкий помпон сбил меня с толку, – хмуро сказал он.

– Конечно, – сдержанно поддакнула Эмма.

– Ну, раз я разобрался с этой шапкой, значит, новая не нужна, – немного повеселел Райдер. – Не потому, что мне не по карману детские шапки, – сухо объяснил он. – Вы даже представить не можете, как ужасно быть единственным покупателем-мужчиной в отделе детской одежды!

Тесс продолжила дело, начатое дядей. В отличие от него, ей удалось избавиться от шапочки окончательно.

– В любом случае похоже, что головные уборы ей не нравятся, – заметила Эмма.

– Пока она не позволит мне расчесать ей волосы, придется их носить, – объявил Райдер, пообещав себе, что, если Эмма

снова начнет над ним смеяться, он подхватит Тесс на руки и отправится искать ночлег в каком-нибудь другом доме, где бы Рождество не любили так же, как и он.

Но Эмма не засмеялась. Она ахнула. И Райдер даже не знал, что было хуже.

— Два дня без няни, — чувствуя растущую неловкость, объяснил Райдер. — К тому же Тесс не позволяет дяде касаться ее драгоценных локонов.

Выражение лица Эммы иначе как скептическим назвать было нельзя. Она словно взвешивала, доверять ли его словам или он просто оправдывает свое нежелание возиться с волосами племянницы.

Но Райдер знал, как доказать свою невиновность. Он протянул руку и коснулся волос Тесс. Его племянница тут же громко выдохнула, а затем издала оглушающий вопль, словно он по меньшей мере уронил на нее горячий уголек. Райдер убрал руку — крик прекратился на самой высокой ноте. При этом взгляд у Тесс, когда она посмотрела на дядю, был совершенно невинный.

Эмма не выдержала и фыркнула от смеха. И в ту же секунду Райдер вдруг понял, что готов на многое, лишь бы заставить Эмму чаще смеяться. Когда она смеялась или хотя бы улыбалась, он сам словно становился другим человеком. Человеком, у которого нет никаких хлопот, который не познал горя.

Глава 3

Взгляд, брошенный на Тесс, помог Райдеру расслабиться и окончательно побороть свою слабость.

– Так как насчет печенья для Тесс? – спросила Эмма.

– Попробую ее покормить сначала детским питанием.

Он достал из сумки бутылочку, но та тут же упала на пол и покатилась под стул. Чертыхнувшись, Райдер поднял бутылочку. Разогрев детское питание, он попытался накормить Тесс, но та только ерзала и отворачивалась от детского питания, не отрывая взгляда от стола с выпечкой и всем своим видом показывая, чего ей на самом деле хочется.

– Ну хорошо, – сдался в конце концов Райдер. – Она недавно ела в машине, так что можно сразу приступить к десерту.

Эмма тут же подхватила запачканную морковным пюре малышку.

– Что хочешь, Тесс? – спросила она, останавливаясь у стола.

Девочка выбрала большой имбирный пряник в форме человечка.

– Вы, должно быть, тоже голодны, – обратилась Эмма к Райдеру. – К сожалению, могу предложить вам только хот-доги, а также галлоны глинтвейна и горячего шоколада.

Галлоны глинтвейна? Звучит соблазнительно. Жаль, что

он не может позволить себе такого удовольствия из-за Тесс.
– Парочка хот-догов – это было бы замечательно!

Райдер перевел взгляд на Тесс, которая в эту минуту откусила голову имбирного человечка. Немного пожевав, она сморщилась и выплюнула пряник на пол, а затем, ничуть не смущаясь, потянулась к другому печенью.

Ее поведение снова заставило Райдера задуматься о ее воспитании. Должен ли он начинать делать что-то прямо сейчас, или для уроков хороших манер Тесс еще слишком мала? Как же трудно решить, что для ребенка лучше!

Райдер постарался убедить себя, что главное он все же сделал: обеспечил Тесс домом, одеждой, едой, игрушками, няней – милой, доброй женщиной средних лет. Для хороших манер время еще не настало.

Неожиданно он ощутил страшную усталость и одиночество. Что-то было в этом доме, как и в его хозяйке, что вызывало у Райдера мысли, которые до этого момента ему удавалось контролировать...

Что там Эмма говорила насчет магии Рождества? Сейчас Райдер чувствовал, что от голода и усталости он, чего доброго, и сам поверит в волшебство этого праздника, а также в то, что духи оберегают старый дом и всех, кто в нем находится. Однако услужливая память тут же напомнила ему, о чем он был бы сам рад забыть, хотя бы ненадолго... Жизнь – не сказка, и чудес не бывает! Иначе его бы здесь не было. Иначе у Тесс были бы живы родители. Иначе он не был бы

опустошен так, что сам себе иногда казался роботом.

Если он позволит себе привязаться к кому-нибудь, а затем потеряет человека, это окончательно его сломит. Райдер не позволял себе никаких привязанностей, кроме Тесс. Ради этой девочки, которая уснула на руках Эммы, сжимая в руке недоеденное печенье, он должен был быть сильным.

После горячих хот-догов и около десятка печений Райдер почувствовал, что к нему возвращаются силы.

– Спасибо за угощение, – сдержанно поблагодарил он. – Может, теперь покажете нашу комнату? Хочу послушать прогноз погоды.

– Мне очень жаль, – начала Эмма, но в ее голосе не слышалось ни капли сожаления, так что Райдер тут же насторожился, – но в комнате нет телевизора. Единственный способ узнать о погоде – это выйти на улицу.

Райдера снова охватило то же чувство, что завладело им, когда он стоял перед дверью пансиона: он перестал быть хозяином своей жизни. Нет телевизора. «А это значит, – невесело подытожил он, – мне придется остаться наедине со своими мыслями. Да уж, перспектива совсем не радужная...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.